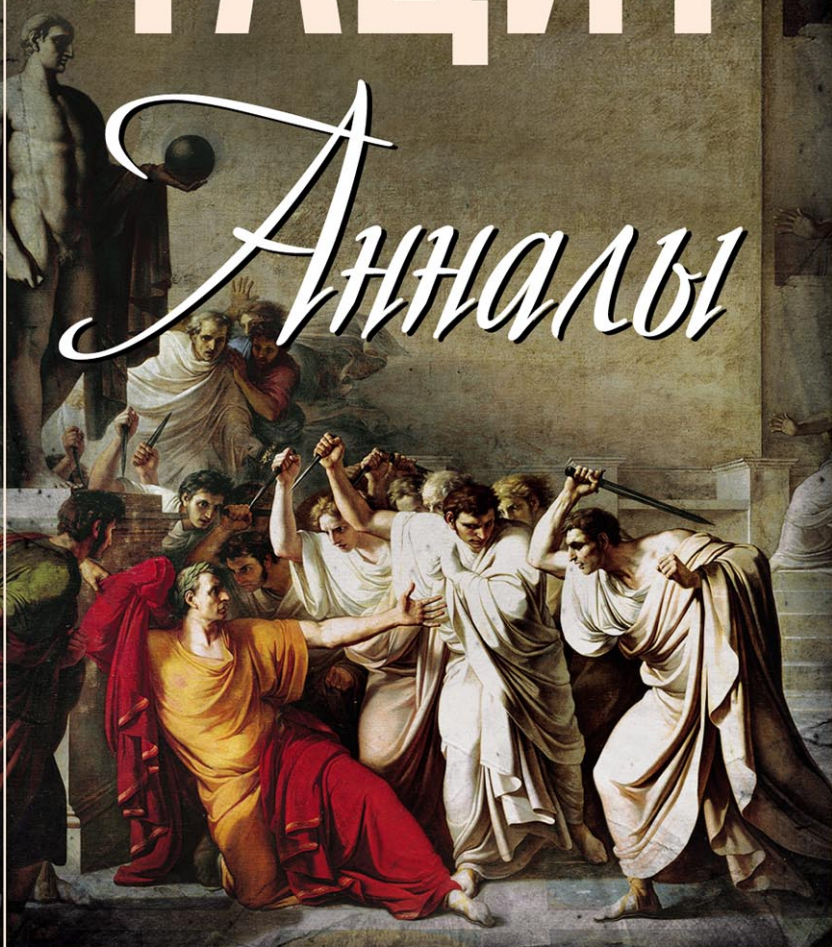

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ

ТАЦИТ

Анналы

УДК 327
ББК 66.4
Т 25

Тацит Публий Корнелий

Т 25 **Анналы** / Перев. А.С. Бобович. – М.: Родина, 2023. – 448 с. – (Весь мир).

ISBN 978-5-00222-113-4

Тацит (середина 50-х — ок. 120 года) – древнеримский историк, один из самых известных писателей античности.

Он сделал блестящую политическую карьеру в Риме, став сенатором, а затем консулом. Отойдя от политики, Тацит решил написать историю первых десятилетий существования Римской империи, для чего скрупулезно изучал источники и старался восстановить полную картину событий.

Благодаря таланту писателя, глубокому анализу исторического материала и раскрытию психологии действующих лиц Тацит заслуженно признан величайшим из римских авторов, а его главный труд «Анналы» считается основным произведением по истории Древнего Рима.

УДК 327
ББК 66.4

© Перевод с латинского
А.С. Бобовича

ISBN 978-5-00222-113-4

© ООО «Издательство Родина»,
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга I	6
Книга II	55
Книга III	102
Книга IV	144
Книга V	189
Книга VI	192
Книга XI	226
Книга XII	248
Книга XIII	283
Книга XIV	320
Книга XV	356
Книга XVI	395
Примечания	412

КНИГА I

1. Городом Римом от его начала правили цари¹: народо-властие и консулат установил Луций Брут. Лишь на короткое время вводилась единоличная диктатура²; власть децемвиров длилась не дольше двух лет³, недолго существовали и консульские полномочия военных трибунов⁴. Ни владычество Цинны, ни владычество Суллы не было продолжительным, и могущество Помпея и Красса вскоре перешло к Цезарю, а оружие Лепида и Антония — к Августу, который под именем принцепса⁵ принял под свою руку истомленное гражданскими раздорами государство. Но о древних делах народа римского, счастливых и несчастливых, писали прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возматвавшее пресмыкательство пред ним. Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всеильны, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о принципате Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки.

2. Когда после гибели Брута и Кассия⁶ республиканское войско перестало существовать и когда Помпей был разбит у Сицилии⁷, отстранен от дел Лепид⁸, умер Антоний⁹, не осталось и у юлианской партии¹⁰ другого вождя, кроме Цезаря, который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунскою властью для защиты прав простого народа¹¹, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набираясь мало-помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций¹², а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому. Не тяготились новым положением дел

*Триумф Цезаря.
Художник П.-П. Рубенс.*

и провинции: ведь по причине соперничества знати и алчности магистратов доверие к власти, которой располагали сенат и народ, было подорвано, и законы, нарушаемые насильем, происками, наконец подкупом, ни для кого не были надежной защитой.

3. И вот Август, стремясь упрочить свое господство, возвеличил Клавдия Марцелла, еще совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом¹³, а также курульным эдиллом¹⁴, и Марка Агриппу, родом незнатного, но хорошего полководца, разделявшего с ним славу победы, — предоставляя ему консульство два года сряду¹⁵ и позднее, после кончины Марцелла, взяв его в зятя. Своих пасынков Тиберия Нерона и Клавдия Друза¹⁶ он наделил императорским титулом, хотя все его дети были тогда еще живы. Ведь он принял в род Цезарей¹⁷ сыновей Агриппы, Гая и Луция, и страстно желал, чтобы они, еще не снявшие отроческую претексту¹⁸, были провозглашены главами молодежи¹⁹ и наперед избраны консулами²⁰, хотя по видимости и противился этому. После того как Агриппы не стало, Луция Цезаря, направлявшегося к испанским войскам, и Гая, возвращавшегося из Армении с изнурительной раной, унесла смерть, ускоренная судьбой или кознями мачехи Ливии, а Друз умер еще ранее, Нерон остался единственным пасынком принцепса. Все внимание теперь устремляется на него одного. Август усыновляет его, берет себе в соправители, делит с ним трибунскую власть; и уже не в силу темных происков Ливии, как прежде, — теперь его открыто почитают и превозносят во всех войсках. Более того, Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большой телесной силой, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении. Правда, во главе восьми легионов на Рейне Август все же поставил сына Друза — Германика и приказал Тиберию усыновить его: хотя у Тиберия был родной сын юношеского возраста²¹, представлялось желательным укрепить семью дополнительной опорой. Войны в эти годы не было, за исключением войны против германцев, продолжавшейся скорее для того, чтобы смыть позор поражения и гибели целого войска вместе с Квинтилием Варом, чем из стремления распространить римскую власть или ради захвата богатой добычи. Внутри страны все было спокойно, те же неизменные наименования должностных лиц; кто был помоложе, родился после битвы при Акции, даже старики, и те большей частью — во время гражданских войн²².

Много ли еще оставалось тех, кто своими глазами видел республику?

4. Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось. Забыв о еще недавнем всеобщем равенстве, все наперебой ловили приказаний принцепса; настоящее не порождало опасений, покуда Август, во цвете лет, деятельно заботился о поддержании своей власти, целостности своей семьи и гражданского мира. Когда же в преклонном возрасте его начали томить недуги и телесные немощи и стал приближаться его конец, пробудились надежды на перемены и некоторые принялись толковать впустую о благах свободы, весьма многие опасались гражданской войны, иные — желали ее. Большинство, однако, на все лады разбирало тех, кто мог стать их властелином: Агриппа — жесток, раздражен нанесенным ему бесчестьем и ни по летам, ни по малой опытности в делах непригоден к тому, чтобы выдержать такое бремя: Тиберий Нерон — зрел годами, испытан в военном деле, но одержим присущей роду Клавдиев надменностью, и часто у него прорываются, хотя и подавляемые, проявления жестокости. С раннего детства он был воспитан при дворе принцепса; еще в юности превознесен консульствами и триумфами²³; и даже в годы, проведенные им на Родосе под предлогом уединения, а в действительности изгнанником²⁴, он не помышлял ни о чем ином, как только о мести, притворстве и удовлетворении тайных страстей. Ко всему этому еще его мать с ее женской безудержностью: придется рабски повиноваться женщине и, сверх того, двоим молодым людям²⁵, которые какое-то время будут утеснять государство, а когда-нибудь и расчленят его.

5. Пока шли эти и им подобные толки, здоровье Августа ухудшилось, и некоторые подозревали, не было ли тут злого умысла Ливии. Ходил слух, что за несколько месяцев перед тем Август, открывшись лишь нескольким избранным и имея при себе только Фабия Максима, отплыл на Планазию, чтобы повидаться с Агриппой: здесь с обеих сторон были пролиты обильные слезы и явлены свидетельства взаимной любви, и отсюда возникло ожидание, что юноша будет возвращен пенатам деда; Максим открыл эту тайну своей жене Марции, та — Ливии. Об этом стало известно Цезарю: и когда вскоре после того Максим скончался, — есть основания предполагать, что он лишил себя жизни, — на его похоронах слышались причитания Марции, осыпавшей себя упреками в том, что

она сама была причиною гибели мужа. Как бы то ни было, но Тиберий, едва успевший прибыть в Иллирию, срочно вызывается материнским письмом; не вполне выяснено, застал ли он Августа в городе Ноле еще живым или уже бездыханным. Ибо Ливия, выставив вокруг дома и на дорогах к нему сильную стражу, время от времени, пока принимались меры в соответствии с обстоятельствами, распространяла добрые вести о состоянии принцепса, как вдруг молва сообщила одновременно и о кончине Августа, и о том, что Нерон принял на себя управление государством.

6. Первым деянием нового принципата было убийство Агриппы Постума, с которым, застигнутым врасплох и безоружным, не без тяжелой борьбы справился действовавший со всею решительностью центурион. Об этом деле Тиберий не сказал в сенате ни слова; он создавал видимость, будто так распорядился его отец, предписавший трибуну, приставленному для наблюдения за Агриппой, чтобы тот не замедлил предать его смерти, как только принцепс испустит последнее дыхание. Август, конечно, много и горестно жаловался на нравы этого юноши и добился, чтобы его изгнание было подтверждено сенатским постановлением; однако никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка. Скорее Тиберий и Ливия — он из страха, она из свойственной мачехам враждебности — поторопились убрать внушавшего подозрения и ненавистного юношу. Центуриону, доложившему, согласно воинскому уставу, об исполнении отданного ему приказания, Тиберий ответил, что ничего не приказывал и что отчет о содеянном надлежит представить сенату. Узнав об этом, Саллюстий Крисп, который был посвящен в эту тайну (он сам отослал трибуну письменное распоряжение) и боясь оказаться виновным — ведь ему было равно опасно и открыть правду, и поддерживать ложь, — убедил Ливию, что не следует распространяться ни о дворцовых тайнах, ни о дружеских совещаниях, ни об услугах воинов и что Тиберий не должен умалять силу принципата, обо всем оповещая сенат: такова природа власти, что отчет может иметь смысл только тогда, когда он отдается лишь одному.

7. А в Риме тем временем принялись соперничать в изъятии раболепия консулы, сенаторы, всадники. Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил и подыскивал подобающее выражение лица, чтобы не могло показаться, что он или об-

радован кончиною принцепса, или, напротив, опечален началом нового принципата; так они перемешивали слезы и радость, скорбные сетования и лесть. Консулы Секст Помпей и Секст Аппулей первыми принесли присягу на верность Тиберию; они же приняли ее у Сея Страбона, префекта преторианских когорт²⁶, и Гая Туррания, префекта по снабжению продовольствием; вслед за тем присягнули сенат, войска и народ. Ибо Тиберий все дела начинал через консулов, как если бы сохранялся прежний республиканский строй и он все еще не решался властвовать; даже эдикт, которым он созывал сенаторов на заседание, был издан им с ссылкой на трибунскую власть, предоставленную ему в правление Августа. Эдикт был немногословен и составлен с величайшею сдержанностью: он намерен посоветоваться о почестях скончавшемуся родителю; он не оставляет заботы о теле покойного, и это единственная общественная обязанность, которую он присвоил себе. Между тем после кончины Августа Тиберий дал пароль преторианским когортам, как если бы был императором; вокруг него были стража, телохранители и все прочее, что принято при дворе. Воины сопровождали его на форум и в курию²⁷. Он направил войскам послания, словно принял уже титул принцепса, и вообще ни в чем, кроме своих речей в сенате, не выказывал медлительности. Основная причина этого — страх, как бы Германик, опиравшийся на столько же легионы, на сильнейшие вспомогательные войска союзников и исключительную любовь народа, не предпочел располагать властью, чем дожидаться ее. Но Тиберий все же считался с общественным мнением и стремился создать впечатление, что он скорее призван и избран волей народною, чем пробрался к власти происками супруги принцепса и благодаря усыновлению старцем. Позднее обнаружилось, что он притворялся колеблющимся ради того, чтобы глубже проникнуть в мысли и намерения знати; ибо, наблюдая и превратно истолковывая слова и выражения лиц, он приберегал все это для обвинений.

8. На первом заседании сената Тиберий допустил к обсуждению только то, что имело прямое касательство к последней воле и похоронам Августа, в чьем завещании, доставленном девами Весты²⁸, было записано, что его наследники — Тиберий и Ливия; Ливия принималась в род Юлиев и получала имя Августы²⁹. Вторыми наследниками назначались внуки и правнуки, а в третью очередь — наиболее знатные граждане³⁰, и среди них очень многие, ненавистные принцепсу, о которых он упомянул из тщеславия и ради доброй славы в потомстве. За-

вещанное не превышало оставляемого богатыми гражданами, если не считать сорока трех миллионов пятиста тысяч сестерциев³¹, отказанных казне и простому народу, и денег для раздачи по тысяче сестерциев каждому воину преторианских когорт, по пятисот — воинам римской городской стражи³² и по триста — легионерам и воинам из когорт римских граждан³³. Затем перешли к обсуждению погребальных почестей; наиболее значительные были предложены Галлом Азинием — чтобы погребальное шествие проследовало под триумфальной аркой, и Луцием Аррунцием — чтобы впереди тела Августа несли заголовки законов, которые он издал, и наименования покоренных им племен и народов. К этому Мессала Валерий добавил, что надлежит ежегодно возобновлять присягу на верность Тиберию; на вопрос Тиберия, выступает ли он с этим предложением, по его, Тиберия, просьбе, тот ответил, что говорил по своей воле и что во всем, касающемся государственных дел, он намерен и впредь руководствоваться исключительно своим разумием, даже если это будет сопряжено с опасностью вызвать неудовольствие; такова была единственная разновидность лести, которая оставалась еще неиспользованной. Сенат единодушными возгласами выражает желание, чтобы тело было отнесено к костру на плечах сенаторов. Тиберий с высокомерною скромностью отклонил это и обратился к народу с эдиктом, в котором увещевал его не препятствовать сожжению тела на Марсовом поле, в установленном месте, и не пытаться совершить это на форуме, возбуждая из чрезмерного рвения беспорядки, как некогда на похоронах божественного Юлия³⁴. В день похорон Августа воины были расставлены словно для охраны, и это вызвало многочисленные насмешки всех, кто видел собственными глазами или знал по рассказам родителей события того знаменательного дня, когда еще не успели привыкнуть к порабощению и была столь несчастливо снова обретаема свобода и когда убийство диктатора Цезаря одним казалось гнуснейшим, а другим величайшим деянием; а теперь старика принцепса, властвовавшего столь долго и к тому же снабдившего своих наследников средствами против народовластия, считают необходимым охранять с помощью воинской силы, дабы не было потревожено его погребение.

9. И затем — бесконечные толки о самом Августе, причем очень многих занимал такой вздор, как то, что тот же день года, в который некогда он впервые получил власть, стал для него последним днем жизни³⁵ и что жизнь свою он окончил

в Ноле, в том же доме и том же покое, где окончил ее и Октавий, его отец. Называли также число его консульств, которых у него было столько же, сколько у Валерия Корва и Гая Мария вместе³⁶: трибунская власть находилась в его руках на протяжении тридцати семи лет, титулом императора³⁷ он был почтен двадцать один раз, и неоднократно возобновлялись другие его почетные звания и присуждались новые. Среди людей мыслящих одни на все лады превозносили его жизнь, другие — порицали. Первые указывали на то, что к гражданской войне³⁸ — а ее нельзя ни подготовить, ни вести, соблюдая добрые нравы, — его принудили почтительная любовь к отцу и бедственное положение государства, в котором тогда не было места законам. Во многом он пошел на уступки Антонию, стремясь отомстить убийцам отца³⁹, во многом — Лепиду. После того как этот утратил влияние по неспособности, а тот опустился, погрязнув в пороках⁴⁰, для истощаемой раздорами родины не оставалось иного спасения, кроме единовластия; но, устанавливая порядок в государстве, он не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял наименование принцепса: ныне империя ограждена морем Океаном и дальними реками⁴¹; легионы, провинции, флот — все между собою связано; среди граждан — правосудие, в отношении союзников — умеренность; сам город украсился великолепным убранством; лишь немногое было совершено насильем, что-бы во всем остальном были обеспечены мир и покой.

10. Другие возражали на это: почтительная любовь к отцу и тяжелое положение государства — не более как предлог; из жажды власти он привлек ветеранов щедрыми раздачами; будучи еще совсем молодым человеком и частным лицом, он набрал войско, подкупил легионы консула⁴², изображал приверженность к партии помпеянцев; затем, когда по указу сената он получил фасции и права претора и когда были убиты Гирций и Панса, — принесли ли им гибель враги или Пансе — влитый в его рану яд, а Гирцию — его же воины и замысливший это коварное дело Цезарь, — он захватил войска того и другого; вопреки воле сената, он вырвал у него консульство, и оружие, данное ему для борьбы с Антонием, обратил против республики; далее, проскрипции граждан, разделы земель, не находившие одобрения даже у тех, кто их проводил. Пусть конец Кассия и обоих Брутов — это дань враждебности к ним в память отца, хотя подобало бы забыть личную ненависть ради общественной пользы; но Помпей был обманут подобием мира, а Лепид личиною дружбы; потом и Антоний, усыплен-

ный соглашениями в Таренте и Брундизии, а также браком с его сестрой⁴³, заплатил смертью за это коварно подстроенное родство. После этого, правда, наступил мир, однако запятнанный кровью: поражения Лоллия и Вара, умерщвление в Риме таких людей, как Варрон, Эгнаций, Юл. Не забывали и домашних дел Августа: он отнял у Нерона жену и издевательноски запросил верховных жрецов, дозволено ли, зачав и не разрешившись от бремени, вступать во второе замужество⁴⁴. Говорили и о роскоши Тедия⁴⁵ и Ведия Поллиона⁴⁶; наконец, также о Ливии, матери, опасной для государства, дурной мачехе для семьи Цезарей. Богам не осталось никаких почестей, после того как он пожелал, чтобы его изображения в храмах были почитаемы фламинами и жрецами как божества⁴⁷. И Тиберия он назначил своим преемником не из любви к нему или из заботы о государстве, но потому, что, заметив в нем заносчивость и жестокость, искал для себя славы от сравнения с тем, кто был много хуже. Ведь несколько лет назад, требуя от сенаторов, чтобы они снова предоставили Тиберию трибунскую власть⁴⁸, Август, хотя речь его и была хвалебною, обронил кое-что относительно осанки, образа жизни и нравов Тиберия, в чем под видом извинения заключалось порицание. Но так или иначе, после того как погребение было совершено с соблюдением всех полагающихся обрядов, сенат постановил воздвигнуть Августу храм и учредить его культ.

11. Затем обращаются с просьбами к Тиберию. А он в ответ уклончиво распространялся о величии империи, о том, как недостаточны его силы. Только уму божественного Августа была подстать такая огромная задача; призванный Августом разделить с ним его заботы, он познал на собственном опыте, насколько тяжелое бремя — единодержавие, насколько все подвластно случайностям. Поэтому пусть не возлагают на него одного всю полноту власти в государстве, которое опирается на стольких именитых мужей; несколькими объединившим усилия будет гораздо легче справляться с обязанностями по управлению им. В этой речи было больше напыщенности, нежели искренности; Тиберий, то ли от природы, то ли по привычке, и тогда, когда ничего не утаивал, обычно выражался расплывчато и туманно. Теперь, когда он старался как можно глубже упрятать подлинный смысл своих побуждений, в его словах было особенно много неясного и двусмысленного. Но сенаторы, которые больше всего боялись как-нибудь обнаружить, что они его понимают, не поспешили на жалобы, слезы, мольбы; они простирали руки к богам, к изображе-

нию Августа, к коленям Тиберия; тогда он приказал принести и прочесть памятную записку⁴⁹. В ней содержались сведения о государственной казне, о количестве граждан и союзников на военной службе, о числе кораблей, о царствах, провинциях, налогах прямых и косвенных, об обычных расходах и суммах, предназначенных для раздач и пожалований. Все это было собственноручно написано Августом, присовокупившим совет держаться в границах империи, — неясно, из осторожности или из ревности.

12. На одну из бесчисленных униженных просьб, с которыми сенат простирался перед Тиберием, тот заявил, что, считая себя непригодным к единодержавию, он, тем не менее, не откажется от руководства любой частью государственных дел, какую бы ему ни поручили. Тогда к Тиберию обратился Азиний Галл: «Прошу тебя, Цезарь, указать, какую именно часть государственных дел ты предпочел бы получить в свое ведение?». Растерявшись от неожиданного вопроса, Тиберий не сразу нашелся; немного спустя, собравшись с мыслями, он сказал, что его скромности не пристало выбирать или отклонять что-либо из того, от чего в целом ему было бы предпочтительнее всего отказаться. Тут Галл (по лицу Тиберия он увидел, что тот раздосадован) разъярился, что со своим вопросом он выступил не с тем, чтобы Тиберий выделил себе долю того, что вообще неделимо, но чтобы своим признанием подтвердил, что тело государства едино и должно управляться волею одного. Он присовокупил к этому восхваление Августу, а Тиберию напомнил его победы и все выдающееся, в течение стольких лет совершенное им на гражданском поприще. Все же он не рассеял его раздражения, издавна ненавистный ему, так как, взяв за себя Випсанию, дочь Марка Агриппы, в прошлом жену Тиберия, он заносился, как казалось Тиберию, выше дозволенного рядовым гражданам, унаследовав высокомерие своего отца Азиния Поллиона.

13. После этого говорил Луций Аррунций, речь которого, мало чем отличавшаяся по смыслу от выступления Галла, также рассердила Тиберия, хотя он и не питал к нему старой злобы; но богатый, наделенный блестящими качествами и пользовавшийся такой же славой в народе, он возбуждал в Тиберии подозрения. Ибо Август, разбирая в своих последних беседах, кто, будучи способен заместить принципса, не согласится на это, кто, не годясь для этого, проявит такое желание, а у кого есть для этого и способности, и желание, заявил, что

Маний Лепид достаточно одарен, но откажется, Азиний Галл алчет, но ему это не по плечу, а Луций Аррунций достоин этого и, если представится случай, дерзнет. В отношении первых двоих сообщения совпадают, а вместо Аррунция некоторые называют Гнея Пизона. Все они, за исключением Лепида, по указанию принцепса были впоследствии обвинены в различных преступлениях. Квинт Гатерий и Мамерк Скавр также затронули за живое подозрительную душу Тиберия: Гатерий — сказав: «Доколе же, Цезарь, ты будешь терпеть, что государство не имеет главы?», а Скавр — выразив надежду на то, что просьбы сената не останутся тщетными, раз Тиберий не отменил своей трибунскою властью постановления консулов⁵⁰. На Гатерия Тиберий немедленно обрушился, слова Скавра, к которому возгорелся более непримиримой злобой, обошел молчанием. Наконец, устав от общего крика и от настояний каждого в отдельности, Тиберий начал понемногу сдаваться и не то чтобы согласился принять под свою руку империю, но перестал отказываться и тем самым побуждать к уговорам. Рассказывают, что Гатерий, явившись во дворец, чтобы отвести от себя гнев Тиберия, и бросившись к коленям его, когда он проходил мимо, едва не был убит дворцовою стражей, так как Тиберий, то ли случайно, то ли наткнувшись на его руки, упал. Его не смягчила даже опасность, которой подвергся столь выдающийся муж; тогда Гатерий обратился с мольбою к Августе, и лишь ее усердные просьбы защитили его.

14. Много лести расточали сенаторы и Августе. Одни полагали, что ее следует именовать родительницей, другие — матерью отечества, многие, что к имени Цезаря нужно добавить — сын Юлии⁵¹. Однако Тиберий, утверждая, что почести женщинам надлежит всячески ограничивать, что он будет придерживаться такой же умеренности при определении их ему самому, а в действительности движимый завистью и считая, что возвеличение матери умаляет его значение, не позволил назначить ей ликтора, запретил воздвигнуть жертвенник Удочерения⁵² и воспротивился всему остальному в таком же роде. Но для Цезаря Германика он потребовал пожизненной проконсульской власти⁵³, и сенатом была направлена к нему делегация, чтобы оповестить об этом и вместе с тем выразить соболезнование в связи с кончиною Августа. Для Друза надобности в таком назначении не было, так как он находился в то время в Риме и был избран консулом на следующий год. Тиберий назвал двенадцать одобренных им кандидатов на должности преторов — это число было установлено Августом — и

в ответ на настоятельные просьбы сенаторов увеличить его покаялся, что оно останется неизменным.

15. Тогда впервые избирать должностных лиц стали сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле, ибо до этого, хотя все наиболее важное вершилось по усмотрению принцепса, кое-что делалось и по настоянию триб⁵⁴. И народ, если не считать легкого ропота, не жаловался на то, что у него отняли исконное право, да и сенаторы, избавленные от щедрых раздач и унижительных домогательств, охотно приняли это новшество, причем Тиберий взял на себя обязательство ограничиться выдвижением не более четырех кандидатов, которые, впрочем, не подлежали отводу и избрание которых было предрешиено⁵⁵. Народные трибуны между тем обратились с ходатайством, чтобы им было разрешено устраивать на свой счет театральные зрелища, которые были бы занесены в фасты⁵⁶ и назывались по имени Августа августиалиями. Но на это были отпущены средства из казны, и народным трибунам было предписано присутствовать в цирке в триумфальных одеждах⁵⁷, однако приезжать туда на колесницах им разрешено не было⁵⁸. Впоследствии эти ежегодные празднования были переданы в ведение претора, занимавшегося судебными тяжбами между римскими гражданами и чужестранцами.

16. Таково было положение дел в городе Риме, когда в легионах, стоявших в Паннонии, внезапно вспыхнул мятеж, без каких-либо новых причин, кроме того, что смена принцепса открывала путь к своеволию и беспорядкам и порождала надежду на добычу в междоусобной войне. В летнем лагере размещались вместе три легиона⁵⁹, находившиеся под командованием Юния Блеза. Узнав о кончине Августа и о переходе власти к Тиберию, он в ознаменование траура освободил воинов от несения обычных обязанностей. Это повело к тому, что воины распустились, начали бунтовать, прислушиваться к речам всякого негодяя и в конце концов стали стремиться к праздности и роскошной жизни, пренебрегая дисциплиною и трудом. Был в лагере некий Перценний, в прошлом глава театральных клакеров, затем рядовой воин, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалить сборища. Людей бесхитростных и любопытствовавших, какой после Августа будет военная служба, он исподволь разжигал в ночных разговорах или, когда день склонялся к закату, собирая вокруг себя, после того как все благоразумные расходились, неустойчивых и недовольных.

17. Наконец, когда они были уже подготовлены и у него явились сообщники, подстрекавшие воинов к мятежу, он принялся спрашивать их, словно выступая перед народным собранием, почему они с рабской покорностью повинуются немногим центурионам и трибунам, которых и того меньше. Когда же они осмелятся потребовать для себя облегчения, если не сделают этого безотлагательно, добиваясь своего просьбами или оружием от нового и еще не вставшего на ноги принцепса? Довольно они столь долгие годы потворствовали своей нерешительностью тому, чтобы их, уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изувеченным ранами телом, заставляли служить по тридцати, а то и по сорока лет. Но и уволенные в отставку не освобождаются от несения службы: перечисленные в разряд вексилляриев⁶⁰, они под другим названием претерпевают те же лишения и невзгоды. А если кто, несмотря на столько превратностей, все-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясиину или бесплодные камни в горах. Да и сама военная служба — тяжелая, ничего не дающая: душа и тело оцениваются десятью ассами в день: на них же приходится покупать оружие, одежду, палатки, ими же откупаться от свирепости центурионов, ими же покупать у них освобождение от работ. И, право же, побои и раны, суровые зимы, изнуряющие трудами лето, беспощадная война и не приносящий им никаких выгод мир — вот их вечный удел. Единственное, что может улучшить их положение, — это служба на определенных условиях, а именно: чтобы им платили по денарию⁶¹ в день, чтобы после шестнадцатилетнего пребывания в войске их увольняли, чтобы, сверх этого, не удерживали в качестве вексилляриев и чтобы вознаграждение отслужившим свой срок выдавалось тут же на месте и только наличными⁶². Или воины преторианских когорт, которые получают по два денария в день и по истечении шестнадцати лет расходятся по домам, подвергаются большим опасностям? Он не хочет выражать пренебрежение к тем, кто охраняет столицу; но ведь сами они, пребывая среди диких племен, видят врагов тут же за порогом палаток.

18. Толпа шумела в ответ; отовсюду слышались возбужденные возгласы: одни, разражаясь проклятиями, показывали рубцы, оставленные на их теле плетьюми, другие — свои седины; большинство — превратившуюся в лохмотья одежду и едва прикрытое тело. Под конец они до того распалились, что надумали свести три легиона в один; отказавшись от это-

го из-за соперничества — ведь каждый хотел, чтобы его легиону было отдано предпочтение, — они обратились к другому: и трех орлов и значки когорт⁶³ составили вместе; кроме того, чтобы их местонахождение было заметнее, они тут же рядом, нанеся дерну, начали выкладывать из него трибунал⁶⁴. За этим делом их застал Блез; он принял упрекать их и кроваривать каждого по отдельности, восклицая: «Уж лучше омойте руки в моей крови: убить легата — меньшее преступление, чем изменить императору; или целый и невредимый я удержу легионы верными долгу, или, погибнув, подтолкну вас моей смертью к раскаянью!».

19. Тем не менее они продолжали выкладывать дерн, который поднялся уже высотой по грудь, но тут наконец победила настойчивость Блеза, и они оставили начатое дело. Блез с большим красноречием говорил о том, что пожелания воинов нельзя доводить до Цезаря, прибегая к мятежу и бесчинствам, что ни их предки у своих полководцев, ни они сами у божественного Августа никогда не просили о таких новшествах и что совсем не ко времени обременять заботами принцепса в самом начале его правления. Если, однако, они все же хотят попытаться предъявить в мирное время требования, которых не предъявляли даже победители в гражданских войнах, то к чему нарушать привычное повиновение, прибегать к силе наперекор установленной дисциплине? Пусть лучше назначат уполномоченных и в его присутствии дадут им наказ. Собравшиеся закричали, что избирают уполномоченным сына Блеза, трибуна; пусть он добивается ограничения срока службы шестнадцатью годами; прочие требования они назовут после удовлетворения этого. Молодой человек отправился в путь, и наступило некоторое успокоение; но воины стали заносчивее, так как всякому было ясно, что, отправив сына легата ходатаем за общее дело, они угрозами и насилием добились того, чего не добились бы смиренными просьбами.

20. Между тем манипулы, еще до того, как разразился мятеж, отправленные в Навпорт для починки дорог и мостов и ради других надобностей, узнав о беспорядках в лагере, повернули назад и разграбили ближние деревни и самый Навпорт, имевший положение муниципия⁶⁵; на центурионов, старавшихся удержать их от этого, они сначала обрушили ослепление и оскорбления, а под конец и побои, причем их озлобление в особенности излилось на префекта лагеря⁶⁶ Авфидиена Руфа, которого они стащили с повозки и, нагрузив поклажею, погнали перед собой, издевательски спрашивая, нравится ли

ему столь непомерный груз и столь длинный путь. Дело в том, что Руф, сначала рядовой воин, затем центурион и, наконец, префект лагеря, насаждал старинную суровую дисциплину и, состарившись среди трудов и лишений, был тем беспощаднее, что сам в свое время все это испытал на себе.

21. С их прибытием мятеж возобновляется с новой силой, и, разбредясь в разные стороны, бунтовщики принимаются грабить окрестности. Некоторых из них, главным образом тех, кто был схвачен с добычей, Блез, чтобы утратить остальных, приказал высечь плетью и бросить в темницу; центурионы и наиболее надежные воины тогда еще оказывали легату повиновение. Арестованные, сопротивляясь, стали обнимать колени окружающих и призывать на помощь то поименно своих товарищей, то центурию, в какой они состояли, то когорту, то легион и кричали, что то же самое угрожает и всем остальным. Вместе с тем они осыпают бранью легата, зывают к небу и богам, не упускают ничего, что могло бы возбудить ненависть, сострадание, страх и гнев. Отовсюду сбегаются воины и, взломав темницу, освобождают их от оков и укрывают дезертиров и осужденных за уголовные преступления.

22. После этого мятеж разгорается еще сильнее, умножается число его вожаков. Некий Вибулен, рядовой воин, поднявшись перед трибуналом Блеза на плечи окружающих, обратился к возбужденной и напряженно ожидавшей его слов толпе: «Вот вы вернули этим несчастным и неповинным людям свет и дыхание; но кто вернет жизнь моему брату, а мне — брата? Ведь его, направленного к вам германской армией⁶⁷, дабы сообща обсудить дела, клонящиеся к общему благу, Блез умертвил минувшею ночью руками своих гладиаторов, которых он держит и вооружает на погибель нам, воинам. Ответь, Блез, куда ты выбросил труп? Ведь даже враги, и те не отказывают в погребении павшим. Когда я уголю мою скорбь поцелуями и слезами, прикажи умертвить и меня, и пусть обоих убитых безо всякой вины, но только из-за того, что мы думали, как помочь легионам, погребут здесь присутствующие!».

23. Свою речь он подкреплял громким плачем, ударяя себя в грудь и в лицо; затем, оттолкнув тех, кто поддерживал его на своих плечах, он спрыгнул наземь и, припадая к ногам то того, то другого, возбудил к себе такое сочувствие и такую ненависть к Блезу, что часть воинов бросилась вязать гладиаторов, находившихся у него на службе, часть — прочих его рабов, тогда как все остальные устремились на поиски трупа. И если бы

вскоре не стало известно, что никакого трупа не найдено, что подвергнутые пыткам рабы решительно отрицают убийство и что у Вибулена никогда не было брата, они бы не замедлили расправиться с легатом. Все же они прогнали трибунов и префекта лагеря, разграбили личные вещи бежавших и убили центуриона Луцилия, которого солдатское остроословие отметило прозвищем «Давай другую», ибо, сломав лозу о спину избиваемого им воина, он зычным голосом требовал, чтобы ему дали другую и еще раз другую. Остальные скрылись; бунтовщиками был задержан лишь Юлий Клемент, который благодаря своей природной находчивости был сочтен ими подходящим для сношений с начальством. Ко всему восьмой и пятнадцатый легионы едва не подняли друг против друга оружие, так как одни хотели предать смерти центуриона по имени Сирпик, а другие его защищали. Столкновение было предотвращено только уговорами, а когда уговоры не действовали, то и угрозами воинов девятого легиона.

24. Хотя Тиберий был скрытен и особенно тщательно утаивал наиболее неприятные обстоятельства, все же, узнав о случившемся, он решил направить в Паннонию своего сына Друза и вместе с ним высших сановников государства, а также две преторианские когорты; Друз не получил от него прямых указаний, и ему было предоставлено действовать смотря по обстановке. Когорты были сверх обычного усилены отборными воинами. Вместе с ними выступила значительная часть преторианской конницы и лучшие из германцев, охранявших в то время особу императора; тут же находился и префект преторианцев Элий Сеян, имевший большое влияние на Тиберия; он был назначен в сотоварищи Страбону, своему отцу, и должен был руководить юным Друзом, а всем остальным быть как бы напоминанием об ожидающих их опасностях и наградах. Навстречу Друзу вышли, словно выполняя тягостную обязанность, мятежные легионы, не изъяслявшие подобающей такой встрече радости и не блиставшие воинскими отличиями, но безобразно неряшливые и с лицами, на которых под напускной скорбью выражалось скорее своеволие.

25. После того как Друз миновал укрепления и оказался по ту сторону вала, они ставят у ворот караулы и велят крупным отрядам находиться в определенных местах внутри лагеря и быть наготове; остальные окружили плотной стеной трибунал. На нем стоял Друз, требуя рукою молчания. Мятежники, оглядываясь на толпу, всякий раз раздражались угрожающими возгласами, а посмотрев на Цезаря, впадали в трепет; смут-

ный ропот, дикие крики, внезапная тишина. Противоположные движения души побуждали их то страшиться, то утрашивать. Наконец, воспользовавшись временным успокоением, Друз огласил послание отца, в котором было написано, что заботу о доблестных легионах, с которыми им было проделано столько походов, он считает своей первейшей обязанностью и, как только душа его оправится от печали, доложит сенаторам о пожеланиях воинов; а пока он направляет к ним сына, дабы тот безотлагательно удовлетворил их во всем, в чем можно немедленно пойти им навстречу; решение всего прочего следует предоставить сенату, ибо не подобает лишать его права миловать или прибегать к строгости.

26. В ответ на это собравшиеся заявили, что их требования поручено изложить центуриону Клементу. Тот начинает с увольнения в отставку после шестнадцати лет⁶⁸, далее говорит о вознаграждении отслужившим свой срок, о том, чтобы солдатское жалованье было по денарию в день, чтобы ветеранов не задерживали на положении вексиллариев. Когда Друз возразил, что это могут решить только сенат и отец, его прервали громкими криками. Зачем же он прибыл, если у него нет полномочий ни повысить воинам жалованье, ни облегчить их тяготы, ни, наконец, хоть чем-нибудь улучшить их положение? А вот плети и казни разрешены, видят боги, всем и каждому. Когда-то Тиберий, отклоняя пожелания воинов, имел обыкновение прикрываться именем Августа. Те же уловки повторяет ныне и Друз. Неужели к ним никогда не пришлют никого иного, кроме младших членов семейства? Но вот и нечто новое: император отсылает к сенату только в тех случаях, когда дело идет о выгоде воинов! Пусть же сенат запрашивают всякий раз и тогда, когда должна быть совершена казнь или дано сражение. Или награды распределяют властители государства, а наказания налагает кто вздумает?

27. Наконец, толпившиеся у трибунала начали расходиться; встречая кого-нибудь из преторианцев или из приближенных Цезаря, они грозили им кулаками, стараясь разжечь раздор и затеять вооруженное столкновение. Особенную враждебность вызывал Гней Лентул, так как считалось, что, превосходя всех остальных годами и военной славой, он удерживает Друза от каких-либо уступок и первым выступил с осуждением этих волнений в войске. Когда немного спустя, уйдя с собрания вместе с Цезарем, он в предвидении опасности направлялся к зимнему лагерю, его окружили мятежники, спрашивая, куда же он так торопится, уж не к императору ли

или к сенаторам, чтобы и там помешать легионам в осуществлении их надежд; вслед за тем они устремляются на него и кидают в него камнями. Раненный брошенным камнем, обливаясь кровью, он был уже уверен в неизбежной гибели, но его спасла толпа подоспевших к нему на помощь из числа тех, которые прибыли с Друзом.

28. Наступила ночь, в которую едва не разразились ужасные преступления, чему воспрепятствовала только случайность: сиявшая на ясном небе луна начала меркнуть. Не зная, в чем причина происходящего, воины увидели в нем знамение, относящееся к тому, что их больше всего занимало, и затмение небесного светила поставили в связь со своей борьбой: если богиня⁶⁹ снова обретет свое сияние и яркость, то благополучно разрешится и то, что они предприняли. И они принялись бряцать медью, трубить в трубы и рожки; смотря по тому, становилась ли луна ярче или, напротив, тускнела, они радовались или печалились: и после того как набежавшие облака скрыли ее от глаз и все сочли, что она окончательно исчезла во мраке и что этим им возвещаются страдания на вечные времена — ведь единожды потрясенные души легко склоняются к суевериям, — они предались скорби, думая, что боги порицают их поведение. Цезарь, решив, что нужно воспользоваться этими настроениями и обратить ко благу ниспосланное случаем, приказал обойти палатки мятежников: призываются центурион Клемент, а также другие, кто снискал расположение воинов, не совершив вместе с тем ничего дурного. Они расходятся по охранениям, дозорам, караулам у ворот лагеря, подают надежды, внушают страх: «До каких пор мы будем держать в осаде сына нашего императора? Где конец раздорам? Или мы присягнем Перценнию и Вибулену? Перценний и Вибулен будут выплачивать воинам жалованье, а отслужившим срок раздавать земли? Или вместо Неронов и Друзов возьмут на себя управление римским народом? Не лучше ли нам, примкнувшим последними к мятежу, первыми заявить о своем раскаянии? Не скоро можно добиться того, чего домогаются сообща, но тем, кто действует сам за себя, благоволение приобретается сразу, как только ты его заслужил». Внеся этими разговорами смятение в души, породив взаимное недоверие, они отрывают новобранцев от ветеранов, легион от легиона. И постепенно возвращается привычная готовность к повиновению; мятежники снимают караулы возле ворот и отнесут значки, собранные в начале мятежа в одном месте, туда, где они были ранее.

29. С наступлением дня Друз созывает собрание воинов и, хотя он не был красноречив, с прирожденным достоинством упрекает их за поведение в прошлом и одобряет их последние действия; он заявляет, что не уступит устрашению и угрозам; если он убедится, что они готовы повиноваться, если они обратятся к нему с мольбами, он напишет отцу, чтобы тот благосклонно отнесся к ходатайству легионов. По их просьбе к Тиберию посылают снова того же Блеза, Луция Апония, римского всадника из числа приближенных Друза, и Юста Катония, центуриона первого манипула. Между тем в окружении Цезаря мнения разделились: одни полагали, что впредь до возвращения посланных нужно улаживать воинов ласковым обращением, другие — что следует прибегнуть к более решительным средствам: чернь не знает середины, — если она не боится, то устрашает, а после того как сама проникнется страхом, с ней можно совсем не считаться; пока она все еще под воздействием суеверия, необходимо, устранив зачинщиков мятежа, заставить ее трепетать перед военачальником. Друз по своему душевному складу был склонен к крутым мерам; вызвав к себе Перценния и Вибулена, он приказал их умертвить. Многие говорят, что их трупы были зарыты в палатке военачальника, другие — что выброшены за вал в назидание всем остальным.

30. Затем были схвачены главнейшие вожаки мятежа; одних, скрывавшихся за пределами лагеря, убили центурионы и воины преторианских когорт; других в доказательство своей преданности выдали сами манипулы. Немало забот доставила воинам и преждевременная зима с непрерывными и до того сильными ливнями, что не только нельзя было выходить из палаток и устраивать сходки, но и оберегать значки, уносимые ветром или водою, можно было лишь с величайшим трудом. Не утихал и страх перед гневом небес: ведь не без причины во устрашение нечестивцев затмеваются светила и обрушиваются бури; единственный способ облегчить бедствия — это покинуть злополучный и оскверненный лагерь и, искупив вину, уйти каждому в свои зимние лагеря. Сначала снялся восьмой, потом пятнадцатый легионы; воины девятого легиона кричали, что следует дожидаться ответа Тиберия, но и они, оставшись в одиночестве после ухода всех остальных, предупредили в конце концов по своей воле то, что им пришлось бы сделать в силу необходимости. И Друз не стал дожидаться возвращения посланных и, так как наступило успокоение, вернулся в Рим.

31. Почти в те же самые дни и по тем же причинам взбунтовались и германские легионы, и тем более бурно, чем они были многочисленнее⁷⁰; они рассчитывали на то, что Германик не потерпит власти другого и примет сторону легионов, которые, опираясь на свою силу, увлекут за собою всех остальных. На берегу Рейна стояло два войска; то, которое носило название Верхнего, было подчинено легату Гаю Силию; Нижним начальствовал Авл Цецина. Верховное командование принадлежало Германику, занятому в то время сбором налогов в Галлии. Те, что были под началом у Силия, колебались и выжидали, к чему поведет мятеж, поднятый их соседями; но воины Нижнего войска загорелись безудержной яростью; начало возмущению было положено двадцать первым и пятым легионами, увлекшими за собою первый и двадцатый, которые, размещаясь в том же летнем лагере, в пределах убиев, пребывали в праздности или несли необременительные обязанности. Так, прослышав о смерти Августа, многие из пополнения, прибывшего после недавно произведенного в Риме набора, привыкшие к разнузданности, испытывающие отвращение к воинским трудам, принялись мутить бесхитростные умы остальных, внушая им, что пришло время, когда ветераны могут потребовать своевременного увольнения, молодые — прибавки жалованья, все вместе — чтобы был положен конец их мучениям, и когда можно отмстить центурионам за их жестокость. И все это говорил не кто-либо один, как Перценний среди паннонских легионов, и не перед боязливо слушающими воинами, оглядывавшимися на другие, более могущественные войска; здесь мятеж располагал множеством уст и голов, постоянно твердивших, что в их руках судьба Рима, что государство расширяет свои пределы благодаря их победам и что их именем нарекаются полководцы⁷¹.

32. И легат не воспротивился этому: безумие большинства лишило его твердости. Внезапно бунтовщики, обнажив мечи, бросаются на центурионов: они издавна ненавистны воинам и на них прежде всего обрушивается их ярость. Поверженных наземь восставшие избивают плетью, по шестидесяти каждого, чтобы сравняться числом с центурионами в легионе⁷²; затем, подхватив изувеченных, а частью и бездыханных, они кидают их перед валом или в реку Рейн. Септимия, прибежавшего к трибуналу и валявшегося в ногах у Цецины, они требовали до тех пор, пока он не был выдан им на смерть. Кассий Херея, снискавший впоследствии у потомков известность тем, что убил Гая Цезаря, тогда отважный и воинственный мо-

лодой человек, проложил себе дорогу мечом сквозь обступившую его вооруженную толпу. Ни трибун, ни префект лагеря больше не имели никакой власти; сами воины распределяют дозоры и караулы и сами распоряжаются в соответствии с текущими надобностями. Для способных глубже проникнуть в солдатскую душу важнейшим признаком размаха и неукротимости мятежа было то, что не каждый сам по себе и не по наущению немногих, а все вместе они и распаялись, и вместе хранили молчание, с таким единодушием, с такой твердостью, что казалось, будто ими руководит единая воля.

33. Весть о кончине Августа застала Германика в Галлии, где он занимался, как мы сказали, сбором налогов. Он был женат на внучке Августа Агриппине и имел от нее нескольких детей; сам он был сыном Друза, брата Тиберия, и внуком Августа, и все же его постоянно тревожила скрытая неприязнь дяди и бабки⁷³, тем более острая, чем несправедливее были ее причины. Римский народ чтит память Друза, и считалось, что если бы он завладел властью, то восстановил бы народоправство; отсюда такое же расположение и к Германику и те же связанные с его именем упования. И в самом деле, этот молодой человек отличался гражданской благонамеренностью, редкостной обходительностью и отнюдь не походил речью и обликом на Тиберия, надменного и скрытного. Отношения осложнялись и враждой женщин, так как Ливия, по обыкновению мачех, преследовала своим недоброжелательством Агриппину; да и Агриппина была слишком раздражительна, хотя и старалась из преданности мужу и из любви к нему обуздать свою неукротимую вспыльчивость.

34. Но чем доступнее была для Германика возможность захвата верховной власти, тем ревностнее он действовал в пользу Тиберия. Он привел к присяге на верность Тиберию секванов и соседствующие с ними племена белгов. Затем, узнав о возмущении легионов, он поспешно направился к ним, и они вышли из лагеря ему навстречу, потупив глаза, как бы в раскаянии. После того как, пройдя вал, он оказался внутри укрепления, начали раздаваться разноголосые жалобы. И некоторые из воинов, схватив его руку как бы для поцелуя, всовывали в свой рот его пальцы, чтобы он убедился, что у них не осталось зубов; другие показывали ему свои обезображенные старостью руки и ноги. Он приказал собравшейся вокруг него сходке, казавшейся беспорядочным скопищем, разойтись по манипулам — так они лучше услышат его ответ — и выставить перед строем знамена, чтобы хоть этим обозначались когор-

ты; они нехотя повиновались. Начав с прославления Августа, он перешел затем к победам и триумфам Тиберия, в особенности восхваляя те из них, которыми тот отличился в Германии вместе с этими самыми легионами. Далее он превозносит единоплеменные всей Италии, верность Галлии: нигде никаких волнений или раздоров. Это было выслушано в молчании или со слабым ропотом.

35. Но когда он заговорил о поднятом ими бунте, спрашивая, где же их воинская выдержка, где безупречность бывшей дисциплины, куда они дели своих трибунов, куда — центурионов, все они обнажают тела, укоризненно показывая ему рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы, заготовку сена, строительного леса и дров, все то, что вызывается действительной необходимостью или изыскивается для того, чтобы не допускать в лагере праздности. Громче всего шумели в рядах ветеранов, кричавших, что они служат по тридцати лет и больше, и моливших облегчить их, изнемогающих от усталости, и не дать им умереть среди тех же лишений, но, обеспечив средствами к существованию, отпустить на покой после столь трудной службы. Были и такие, что требовали раздачи денег, завещанных божественным Августом; при этом они высказывали Германику наилучшие пожелания и изъявляли готовность поддержать его, если он захочет достигнуть верховной власти. Тут Германник, как бы запятнанный соучастием в преступлении, стремительно соскочил с трибунала. Ему не дали уйти, преградили дорогу, угрожая оружием, если он не вернется на прежнее место, но он, воскликнув, что скорее умрет, чем нарушит долг верности, обнажил меч, висевший у него на бедре, и, занеся его над своей грудью, готов был поразить ее, если бы находившиеся рядом не удержали силою его руку. Однако кучка участников сборища, толпившаяся в отдалении, а также некоторые, подошедшие ближе, принялись — трудно поверить! — всячески побуждать его все же пронзить себя, а воин по имени Калузидий протянул ему свой обнаженный меч, говоря, что он острее. Эта выходка показалась чудовищной и вконец непристойной даже тем, кто был охвачен яростью и безумием. Воспользовавшись мгновением замешательства, приближенные Цезаря увлекли его с собою в палатку.

36. Там они принялись обсуждать, как справиться с мятежом; к тому же стало известно, что мятежники собираются по-